

С огромным удовольствием пройдя, пробежав, проскользив по опубликованным стихотворениям, я с предвкушаемым наслаждением стану возвращаться к одним – их невероятно много! – и никогда не стану тратить время на прочтение других – их необыкновенно мало...

Наталья ТРОЯНЦЕВА

СТРАНИЧКА ОТРАЖЕНИЙ

Когда точно знаешь, чего хочешь, когда идея, бродившая в голове, поэтапно наполняется веществом осмысленного, – начинается встречное движение. Взгляд только падает на книжный стеллаж, а помутневший от времени том заставляет всмотреться в его собственное ребро, где напечатано: Иннокентий Анненский. Книга отражений. И возникает название, которое уже задает и нужный тон, и структуру изложения.

В самом деле – что, если не отражения от огромного числа уникально выстроенных поэтических творений способен обозначить и воспроизвести один из авторов, взявший на себя смелость публикации литературоведческого экспромта? Экспромта, оправдать который может только перефразировка латинского афоризма: пришел, увидел, полюбил. С огромным удовольствием пройдя, пробежав, проскользив по опубликованным стихотворениям, я с предвкушаемым наслаждением стану возвращаться к одним – их невероятно много! – и никогда не стану тратить время на прочтение других – их необыкновенно мало!

Формат Чемпионата просто превосходен. Возможность многостороннего диалога участников – самый демократичный, самый умный из возможных замыслов. В конечном итоге важно не мнение неведомого жюри, а то, как тебя оценивают собратья... по клавиатуре – улыбаюсь, в самом деле, не – по перу же. Уже. Между прочим, я пересмотрела тут свое отношение к самому многочисленному и популярному сайту [Стих и.ру](#), обнаружив, сколько чудесных авторов там зарегистрировано! Но воздать должное я сейчас хочу прекрасному и изысканному сайту [Мир Муз Stihi.lv](#): изумительно ощущая себя там, я довольно скоро оказалась здесь, на [Stihi.lv](#).

Что меня поразило в первую очередь и побудило прочитать подряд все представленные подборки? Разнообразие глубокого и подлинного поэтического осмысления действительности. Каждый автор – отдельный мир, и у большинства этот мир так уникально многообразен, что испытываешь настоящую радость – оказывается, нас так много! Мы, русские по языку и менталитету, разбросанные по всему миру и творящие слово везде, от самых заповедных уголков России до творчески обустроенных обиталищ Америки, Израиля и Европы, на этой европейской площадке осознаем, что наш язык – главный и почетный Патриот. И «мы живы, покамест есть прощенье и шрифт».

Мой критерий оценки стихотворения любого жанра и направления – симбиоз оригинальной мысли и реально пережитого чувства, на который авторской фантазией накинута флер одухотворенного изящества. Вместе с тем, художественное творение суть уникально выстроенная конструкция, осязаемая всеми органами чувств гармония – даже если производит совсем обратное впечатление и кажется опытом воссоздания дисгармонии, именно этим и возбуждая наше любопытство.

Оставляя за скобками главную беду нашего времени – «тьмы и тьмы, и тьмы» зауряднейших версификаторов, которые всегда подчеркивают, что пишут «душой», а – не словами, им просто «кто-то надиктовывает свыше», – выделяю несколько собственных представлений о поэтах как таковых. Подразделение условное, своего рода уловка, позволяющая просто расставить акценты предпочтений. Жанр в чистом виде даже у Фета или у Некрасова не всегда воссоздавался, расширение условных рамок вполне естественно для любого поэта.

Итак,

Мастера пейзажа

Авторы, которые хорошо чувствуют природу и способны воспроизвести оригинальность своего ощущения так, как никто и никогда прежде. Здесь хочется в подтверждение тезиса привести стихотворение [Ольги Аникеевой](#).

В парке. Ноябрь

Прозрачен ноябрь, словно капля холодной воды,
Плывут отраженья, меняются легкие тени,
Вибрация света, затеяв игру искажений,
Смягчая углы, убирает прямые черты.

И небо растянуто светлым бумажным листом,
Сплетаются линии веток штрихами гравюры,
И плоскость рисунка вбирает трехмерность натуры,
А листья плывут по воде акварельным пятном

И мраморный мальчик, склонившись над гладью пруда,
Задумчиво ищет, где спрятаны десять отличий,
Но смотрит природа насмешливым глазом синичьим,
И путает снова штрихи на пространстве листа.

Еще стихотворение, автор которого [Юрий Берий](#). Этот пейзаж отчетливо метафизичен и отсылает не к Торе, а к Агаде (Хаггаде), собранию неканонических текстов из Талмуда и Мидрашей, которые произвольно интерпретирует наш современник. Взгляд «окрест себя», со щемящим душу заключением.

Подражание

□ Ю. Д.

Стал туг на ухо старенький наш Бог,
вполуха, впрочем, слушаем мы Бога,
как грустно... будто ангел занемог,
и пляшет безнаказанно немога.

Здесь солнце, одноглазый ассасин,
разит своих налево и направо,
здесь тело сушит суховой Хамсин,
а голову – дешёвая отрав.

Одну и ту же книгу книгочей
мусолит от порога до порога,
а Бог здесь общий, потому – ничей,
и нет надежды на ручного Бога.

И нет надежды на покой и мир,
поскольку мир придумали евреи,
здесь красота спасает только миф
про горний свет, мессию, эмпиреи.

А в центре мироздания базар,
прокуренные тётки, ругань, склока,
не то набег таинственных хазар,
не то, скандалит местная солоха.

И мы в плену горячечной земли,
которая наш дом и наша крепость,
хамсины войн её не замели,
всё остальное меньше, чем нелепость.

Душевную не скроешь наготу,
да и пропасть совсем уже несложно,
поэту здесь порой неважно,
но бросить эту землю невозможно.

Мастера лирического пассажа

Поэты, достоверно воспроизводящие утонченность мировосприятия с углублением (или – без) в явную метафизику – каковая, впрочем, имеет место все равно, в том числе, и в пейзажной лирике, безусловно. [Родион Вереск](#) один из них. Это все же лирика, а не философия, искренний самоанализ, попытка соотнести себя с мирозданием. Успешная попытка.

* * *

Пару раз в год, в облачно-хвойной яви,
Расступятся ветки и - то ли снаружи, то ли внутри -
Платформа в трещинах. Дизель на Местерьярви.
Окурки на насыпи. Мертвые фонари.

И как в себе уместить - воду, листву, расстояние?
Пока вагон ползет по ржавеющей колее,
Там, на другом конце твоего сознания,
Пыхает лапник в костре, ель зацепляет ель.

Это не выжечь, не вырубить, не спеть под гитару -
Все, что выше водораздела, в височной кости:
Длинные прозвища станций, на мокром шоссе фары,
В апреле снег, в мае - дожди, в июле - дожди.

Воздуха наберешь, тронешь темную воду ладонью.
Река стала морем. На куртке расходятся швы,
Молния заедает. Выдохнешь в межсезонье.
Корни. Хвоя. Песок. Правый берег Невы.

[Анастасия Ефремова](#) тоже представляет замечательно искренний психоанализ творческого «я». «Простите. Плохо. Держусь за буквы». Да кто услышит? Кому прощать?». Каждый из нас может сказать что-то в таком же роде в минуты невероятного творческого взлета – когда, как ни крути, Слышит Тот, Кто наделил тебя этим чудесным даром, который только и знай отрабатывай всю жизнь...

* * *

Писать – единственное, чего хочется, в чём есть какой-то, хоть блёклый, смысл. Тебя сгрызает волк одиночества, смотри, до края души догрыз. Охота плакать, смешно-нелепо, стуча ручонкой о край стола. Горчит как редька, хоть проще репы, ответ "нормально" на "как дела". Грызёшь подушку, блокнот и ручку, пытаюсь горло прогрызть тоске. Хоть трезв, шатает, и глазки в кучку, усталость копится в рюкзаке.

В карманах ветер, на полке гречка и счёт за месяц, сто сорок пять. Сложи из мусора слово "вечность", да что ты пишешь, какое "ять"? Учись вертеться, не смей ломаться и прекрати уже так скучать – уже бывало, лет в девятнадцать, пройдёт и эта печаль-печать. Мешает ноша? Кидай на землю. Болит привязанность? Отвяжись. Твой голос сердца, мозгам не внемля, способен многим подпортить жизнь.

"Простите. Плохо. Держусь за буквы". Да кто услышит? Кому прощать? Стучите, сказано – но на стук ты рискуешь больно поймать леща. Вопи в пустыне до рези в связках, кому он нужен, твой трубный глас, нет звуков в воздухе ватно-вязком, а хочешь плакать – реви в матрас.

Мастера социальной сатиры

Поэты, всерьёз или с юмором повествующие о повседневном с разной степенью обобщения, но всегда – убедительно, ясно и объективно излагая суть события или явления. Мне чрезвычайно понравилось стихотворение [Валерия Поланда](#) . Удивительно добрый взгляд на мир, воссозданное обаяние общежития, где у каждого – свое место и своя судьба, а таксистов не отличить от птиц...

Про площадь

Площадь Восстания, как ненасытный вор,
тянет людей и с той стороны, и с этой,
стая таксистов клюёт на перроне корм,
день суетливым шагом уходит в лето.

Всюду сияние провинциальных лиц,
сплетни про жизнь в далёком Узбекистане,
бомж, прописавшийся в северной из столиц,
жизнь прожигает с дыркой в пустом кармане.

Капля дождя, долетевшая до земли,
станет последней точкой в пейзажном тесте,
Площадь Восстания чуть опустеет и...
Лиговку с Невским быстренько перекрестит.

А это – иной, не менее пристальный и более пристрастный взгляд. Поскольку – иной опыт пережитого и переосмысленного. С [Михаилом Озмилем](#) как-то незаметноходишь в состояние движения по дороге воспоминаний. И она незаметно расширяется до пути, ведущего в Вечность.

На объездной дороге Бишкек-Рыбачье

на этой дороге не очень заглянешь в себя:
сто двадцать - не меньше, но вдруг замечаешь:
душа не болит, а глаза равнодушно следят,
как лента колючая кольца теснее сжимает,
как мимо и пристально смотрит казахский солдат.
И давишь на газ и опять обо всём забываешь.

Граница. Таможня. Дунганки собрались к родне -
как ярко одеты! им рядом совсем - через речку.
смеются, нарядные... Нужно подумать и мне:
о том, как одеться, когда соберусь недалече...

... какие таможни меня ожидают и что мне надеть
пред встречу с тем, перед кем непременно предстану,
а слева колючка, нейтралка... и мысли. Но думать не сметь,
что можешь, как раньше... Не смею. Не стану.

жужжит потихоньку бэушный помятый ниссан
по правую руку торгуют уйгуры - с полей и дешевле!
а слева - запретный теперь для меня Казахстан,
когда-то мы жили иначе: печальней, душевней.

а справа - всё пустоши, дальше - Китай,
но это чужое, а здесь всё такое родное:
звонящий от зноя и высохший трижды курай
а там далеко угасает закат над Окою...

когда-то здесь жили другие, и всё-таки - мы:
теперь города их под дикой, нетронутой глиной,
как зёрна, укрыты они - от кочевников и от чумы:
но мы прорастаем незримо, неукротимо.

здесь время не знает границы, хотя и оно

всего лишь граница. Он вечностью целой владеет.
Он ждёт, что взойдет и поднимет свой колос зерно,
которое Он у дороги проезжей настойчиво сеет.

Так надо... Прощайте, мои тугай*.
прощайте, туранги** седые косицы:
пора тормозить - скоро точка ГАИ.
мне нечем и незачем с ними сегодня делиться.

* Тугай - пойменный лес в Средней Азии

** Тур'анга - разновидность тополя, произрастающего в Средней Азии

Мастера философского пассажа

Авторы, выводящие любое явление на уровень философского обобщения и пишущие, так сказать, с точки зрения вечности.

[Григорий Беркман](#) отчетливо выбивается из общего ряда. Его стилистический диалог с Маяковским очень интересен. Обаятельная декларация свободного художника, хорошо понимающего цену свободы, изнутри достигнутой и – незыблемой.

В защиту

Быть Маяковским –
я слаб,
Есениным быть - груб,
себя никогда не причислял б
к одной из Евтерпо-групп.

Просто считай меня выступающим
в защиту рифмичных книг,
пахнущих краской, замусоленных.
- Капище!
В котором ты – кинг.

Книгой можно в затылке чесать что угодно,
вот она - веер,
вот - комар смертельно гоним,
в день, как лягушка, холодный
ею корми камин.

Выпорхнут, звездясь, обгорелые лоскуты -
беглых с экрана страхни.
Компьютеры, может быть, и круты,
но им

не писать
стихи!

Опубликованная подборка [Геннадия Акимова](#) тоже сплошь философская, хотя он пишет в разных жанрах. В этом стихотворении потрясает ракурс осмысления Холокоста через призму эпохи Просвещения. Прогресс упрощает материальное существование и порождает новый, невиданный прежде уровень цинизма и жестокости. И возникает естественный акцент – поэт в ответе за эпоху и за страну, даже если большинство соотечественников о нем и о его ремесле и слышать не хотят. Ведь речь идет о персонажах, придуманных великим поэтом...

Стыки памяти

Маргарита мертва так давно, что не помнит,
Как её убивали, огнём пытали.
Её дух анфиладой солнечных комнат
Удалился в просторы, где несть печали.

Только слушая реквием, вспоминает крики,
Ощущает запах горелой плоти.
На секунду расходятся памяти стыки,
А потом опять смыкаются плотно.

Доктор Фауст, не плачьте, ведь всё забыто,
Милосердие научились делить на кванты.
Видите - в желтом черепе Маргариты
Вместо глаз горят бриллианты,

Как прожекторы мощные - вдоль асфальта,
Как огонь, охвативший тело - ещё живое...
Черный пудель сидит на стене Бухенвальда,
Смотрит в лунное небо, протяжно воет.

Строчки: «Видите - в желтом черепе Маргариты Вместо глаз горят бриллианты» вызвали ассоциации с рассказами Питера Гринуэя в сборнике «Золото», истории о сложной и одновременно простой взаимозависимости золота и человеческих судеб.

Мастера религиозной направленности

Эти поэты в своих сочинениях, скорее, своеобразные толкователи священных книг. Их отличает некоторая склонность к самоограничению, ортодоксальность в рамках заявленного жанра. Но – не всех. [Александра Сандомирская](#) в подборке "Каин" приводит стих проникновенный и очень масштабный. У еврейского философа Мартина Бубера есть сочинение под названием «Ты» и «Я». Каждый в состоянии поставить себя

на место другого прежде, чем совершить какой-то поступок или преступить некую грань, но далеко не каждый требует этого от себя.

* * *

О, Авель мой, о, брат мой!
Дороги нет обратной,
такое не по силам никому.
Но, брат мой, сколько крови! —
Как море, с небом вровень. —
Не выплыть — ни с тобой, ни одному.

Что шло, то вышло боком.
Давай-ка спросим Бога,
он знает, он — и устье, и исток,
ничто ему не внове. —
Не я, не я виновен!..
Поверь мне, брат мой, это Он жесток.

Всё, что ни даст — на горе
и встанет костью в горле,
и выйдет с кровью, разрывая плоть.
Конец. Ты был и выбыл.
Каким бы ни был выбор —
Итог один. Таков он, твой Господь.

Могли мы, брат любимый,
другими быть, любыми.
И я бы здесь лежать недвижно мог,
а ты бы звал и плакал,
и, глупый, ждал бы знака
и понял вдруг — тебя не слышит Бог.

[Сергея Смирнова](#) тоже не отнесешь к толкователям только, скорее, наоборот, он предлагает совсем неожиданный ракурс Книги Бытия. Такой ироничный взгляд позитивиста, решившего позабавить читателя сказочкой про Бога и людей. А стихи его разнообразны и многообразны, даже в представленной подборке. Этот привожу и потому, что очень нравится, и - иллюстрирует жанр.

Осень в Эдеме

Ну вот, прогнал их, а теперь жалеет
Хозяин сада, сущего Творец.
И, проходя в раздумье по аллее,
он видит: лист желтеет, лист алеет,

и лету, соответственно, конец.

Вернувшись в дом, расстроен и растерян,
он раскрывает старенький грессбук
и имена животных и растений
твердит по буквам, повторяет вслух.

Ах, как звучат чарующе при этом
и "дрозофила", и "родохитон".
Адам был, без сомнения, поэтом...
Но изгнан со своей подругой вон.

И нет ни собеседника, ни друга,
и в душу проникает стылый страх,
и больше никого на всю округу,
лишь змей ползёт на брюхе, роя прах.

Хозяин сада вновь выходит в осень
и собирает падшие плоды,
потом, открыв бочонок кальвадоса,
неспешно пьёт, и в этом нет беды.

Потом в ночи сидит у жаркой печки
и искры отгоняет от лица,
и вспоминает странных человечков,
все их дела и песни, сны и речи.
И длится одиночество Творца.

Поэзия без рамок

Наконец, поэты, способные и желающие писать на любые темы и не ограничивающие себя никакими жанровыми рамками. Еще раз подчеркиваю, что поэты, которых уже обозначила в условных границах жанра, пишут разные стихи. Я просто отталкивалась от предложенной ими подборки.

В стихотворения [Олега Бабинова](#) мне всматриваться хочется больше всего. Мудрые, тонкие, глубокие, они свидетельствуют о таком полнокровном ощущении жизни, таком масштабе мировосприятия, которые только и дают возможность оставить след в искусстве.

Хочу привести вот это стихотворение, стиль которого очень перекликается с манерой Хармса – но не абсурдистское, по крайней мере, не более абсурдистское, чем сама реальность.

Считалочка

□□□□□□□□□□□□□□□□ Ин зе мидл оф зе форест
□□□□□□□□□□□□□□□□ стэйз иван сусанин.

Винтер, винтер. Форест, форест.
Ин зе мидл оф зе форест -
сами мы с усами,
сами, сами, сами то есть!
Нынче санитарный поезд
не пришлют за нами.

Форест, винтер, рельсы, шпалы.
Он ли едет обветшалый,
старенький, болезный,
бедный поезд санитарный,
точковатый, запятарный?
Не взлетит над бездной!

Палка, палка, огуречик.
Вот и вышел человечек,
а куда - не понял.
Нам его немного жалко.
Палка, палка, палка, палка,
палка, палка, помер.

А вот стилистически чем-то схожий с предыдущим стих другого замечательного автора [Айдара Хусаинова](#). Какой-то удивительно просто, незамысловато изложенный Апокалипсис.

* * *

Там, вдали от метро,
Где красиво играет гармонь,
Средь дубов-колдунов
Ты живешь, дорогая Мальвина.
Твой печален Пьеро.

Сексуален твой пес Артемон,
И к тебе убежал,
Позабыв обо всем, Буратино.

Вы играете с ним
Всякий раз в дорожную игру.
Он тебе называет
Своей златокудрю Барби.
На твоём животе
Пишет льдинкой смешную муру,
Наступая всю ночь
На обычные, в общем-то, грабли.

Как приятно тебе
Называть его именем Кен,
Брать горячей рукой
Золотой вдохновляющий ключик.
В этой жизни обычно
Почти не бывает измен.
Все и так хорошо,
Ну, а будет значительно лучше.

В черной-черной твоей
Золотой голове
Черный-черный подвал
С черной-черной единственной дверью.
И однажды туда
Буратино вошел и пропал.
Что случилось там с ним?
Ну вот как объяснениям поверить?

Только все говорят,
Что он долго подвалом бежал,
Что он дверь отворил,
И уже не надеясь на милость,
Он там кнопку нашел
И на кнопку упрямо нажал,
И с тех пор на земле
Вся любовь, что была, прекратилась.

Напоследок хочу отразиться в зеркале сонета [Веры Рубинштейн](#) . Я тоже – так вышло – впервые встречаюсь с ценителем Пруста. Помнится, в знаменитой «Истории любви» героиня именно его и читала. Героиня была американкой. Вера тоже живет в Америке. А вот пишет и читает и на русском тоже. Любимовский перевод Пруста превосходен, к счастью. Надеюсь, именно его мы и любим обе.

Крошки и Зерна

Влекомая тоской о Прусте
Жую бисквит не за обедом
Ночной порой, когда так пусто
Когда автобусы не едут

Бисквит крошится и не тает
Не отзываясь дрожью тела
В попытке вызвать духов детства
Сегодня я не преуспела

И запах вкус не обретает
И плотью слов не обрастает
И фразы не сложилось бремя

Не разодрав культуры дерна
Я отложу роман на время
И раскрошу гранат на зерна.